

ПЕРЕДОВОЙ ОПЫТ

Шанхай - крупнейший город Китая и один из самых крупных городов мира

Алексей Кива, доктор исторических наук

КИТАЙ: **ВТОРАЯ СВЕРХДЕРЖАВА?**

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ МОНОГРАФИЯ АЛЕКСЕЯ КИВЫ «РЕФОРМЫ В КИТАЕ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ»...

▲ Алексей Васильевич Кива - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Как стало известно редакции «Геополитики», член Общественного Экспертного совета журнала, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН Алексей Васильевич Кива подготовил фундаментальный труд «Реформы в Китае и России: сравнительный анализ», который решением Ученого совета ИВ РАН принят к печати... Нет нужды доказывать актуальность этой темы, когда до сих пор многие россияне спрашивают: почему еще недавно отсталый Китай за годы реформ опередил Россию в экономическом и научно-техническом развитии?.. Мы попросили автора высказать свою точку зрения по этому вопросу.

Успехи Китая действительно заслуживают не только внимания, но и анализа. Как, впрочем, и проблемы России. Так, За первые 30 лет реформ (начиная с 1979 г.) ВВП в КНР увеличился в 15 раз, а промышленное производство – более чем в 20 раз. Внешнеторговый оборот вырос более чем в 100 раз (а в опубликованной в журнале «Мир перемен» статье директора Института экономики Шанхайской академии международных исследований Ли Синя, достижения Китая за 30 лет еще более впечатляющие. Так, ВВП увеличился в 84 раза, а экспорт – в 554 раза. Возможно, сказывается разная методика подсчета – в постоянных, текущих ценах или в переводе на паритет покупательной способности...).

Совершена индустриализация и создана мощная база для решения поставленной XVII съездом КПК (2007 г.) задачи превратить Китай из «мировой фабрики» в «фабрику знаний». В дореформенный период (1978 г.) было выпущено 149 тыс. автомашин, а в 2012 г. – 19,3 млн. штук. Китай стал третьей космической державой, создал самый быстрый в мире компьютер, добился немалых успехов в области «мирного атома».

Нельзя не сказать и о широкомасштабном развитии транспортной инфраструктуры. По протяженности высокоскоростных шоссе дорог (85 тыс. км, по данным на начало 2012 года) Китай вот-вот догонит США, а по протяженности высокоскоростных железнодорожных магистралей уже давно их перегнал (13 тыс. км, по данным на 2012 год).

В России же за двадцать лет реформ произошла деиндустриализация и экономика стала носить преимущественно сырьевой характер. Большие потери понесли наука, сектор высоких технологий и оборонный комплекс. Распались инженерно-технические коллективы, резко сократилось число квалифицированных рабочих. Мы сдали позиции и там, где в советские годы были особо сильны, – в космосе, электроэнергетике и ядерной энергетике. На грани полной потери находится гражданское авиастроение, преимущественно сборочный характер приняло автомобилестроение. Практически не производим оригинальных сложных машин, а модернизация того, что было произведено или спроектировано еще в СССР, подошла к грани своего истощения. При этом ВВП едва ли достигает дореформенный уровень.

А что касается транспортной инфраструктуры, то невольно вспоминаешь Гоголя. Но наши убогие шоссе дороги, изношенность колеи и подвижного состава на железных дорогах, оборачивающаяся частными авариями и катастрофами эксплуатация давно израсходовавших свой ресурс гражданских самолетов и вертолетов является не только элементом дезинтеграции страны, но и препятствием для притока к нам производственного иностранного капитала...

Но давайте все по порядку. Чтобы сравнивать развитие двух стран, необходимо учитывать многие факторы. В том числе корректность сравнения, исходные данные и, естественно, основные инструменты их развития.

Первое. Сравнение реформирования Китая и России является не только корректным, но и естественным и даже необходимым. Надо в конце концов нам осознать, что способствовало успехам реформ в Китае, а что их тормозило и даже обрекало на провал в России. Обе страны крупные, соседские, члены Совета Безопасности ООН. Обе развивались – кто дольше, кто короче – по модели марксистского социализма. Как считается, в России – «русифицированного», в Китае – «китаизированного». Обе страны взаимодействовали между собой в течение длительного периода истории и оказывали влияние друг на друга.

И в обоих случаях идея социализма (если не сказать коммунизма) служила не только способом сплочения широких народных масс на борьбу за достижения социального идеала. В Китае она по факту была единственной идеей, способной сплотить максимально широкие слои населения на борьбу против японских оккупантов, феодальных компрадорских сил и военных клик, раздиравших страну в течение многих лет. А после создания в 1949 году объединенного централизованного государства в лице Китайской Народной Республики – и быстрому росту Китая вплоть до начала авантюрной политики Мао Цзэдуна, вознамерившегося посредством «большого скачка» и под девизом «три года напряженного труда – и десять тысяч лет счастья» построить в стране коммунизм. В России – тогда еще в рамках Советского Союза – идея социализма сыграла важнейшую мобилизирующую роль в борьбе народа за преодоление отсталости от передовых стран, осуществление индустриализации и культурной революции в точном смысле этого слова. Решусь утверждать, что иной мобилизующей народ идеи в конкретных исторических условиях не было и в России.

Да, между нашими странами были как очень тесное сотрудничество, так и отчуждения вплоть до вооруженных конфликтов. Только в Китае помнят, что помощь нашей страны (в то время СССР) китайским революционными силами была трудно оценимой в достижении ими победы. Да и основы экономики, техники и науки в независимом Китае тоже были созданы при активном участии нашей страны.

Второе. Что касается стартовых условий, то были свои сильные и слабые стороны у каждой страны. В Китае реформы начались в условиях существующего государственного и общественного строя, которые плавно менялись по мере хода реформ. Российская же Федерация появилась в результате распада СССР и сразу же встала на принципиально новый путь государственного и общественного развития. России пришлось фактически заново создавать политическую систему, государственность, устанавливать экономические, научно-технические и иные связи не только с бывшими союзными республиками единого государства, ставшими независимыми странами, но и с бывшими странами социализма, с которыми у СССР было тесное сотрудничество.

Есть такая версия, что в сфере экономики либерал-реформаторы «первой волны» на первый план выдвигали не развитие экономики, а разрушение прежнего экономического строя, дабы он не стал базой для реванша сторонников прежнего режима. Поэтому, дескать, цель ставилась не создание новых производств, оставляя на будущее реформирование госсектора, как делалось в Китае, а приватизация крупной государственной собственности, причем как можно быстрее и по любой цене. Как провозглашал «крестный отец» неолиберализма Милтон Фридмен, к мнению которого радикал-либералы прислушивались, не важно, какие средства новая власть получит от приватизации, важно, чтобы она оказалась в частных руках.

Но есть и другая версия. В быстрой приватизации государственной собственности были заинтересованы сразу две силы. Это те на Западе, которые хотели разрушить промышленный и научно-технический потенциал России, дабы она не смогла воссоздать на новой основе распавшуюся державу. И те близкие к власти лица, которые стремились почти задаром получить в собственность созданные несколькими поколениями россиян прибыльные производства и целые отрасли. И это

стало источником появления в постсоветской России в считанные годы тьмы долларовых миллиардеров и миллионеров.

В то время как в нормальных странах богатство создается многими годами напряженной работы ума и труда, а нередко и при жизни нескольких поколений. Да и многие из реформаторов оказались не в обиде, став банкирами, председателями или членами совета директоров крупных (и даже иностранных) компаний и т.д. За отдельными исключениями они живы-здоровы и мы знаем их в лицо.

Сильной стороной Китая была неисчерпаемая рабочая сила, причем трудолюбивая, неприхотливая, дисциплинированная, имеющая многовековые навыки ремесла и торговли, а также выгодное для коммерческих связей с внешним миром географическое положение прибрежных районов с относительно развитой инфраструктурой. При этом можно было опереться на помощь разбросанной по миру китайской общины («хуацяо»), которая отличается редкой преданностью матери-родине и готовностью ей помогать в трудных условиях. И, что очень важно, была объективная возможность улучшить жизнь народа уже в первые годы реформ.

Для этого не надо было вкладывать средства в развитие аграрного сектора. Достаточно было снять сковывающие интерес и инициативу крестьян обручи коммуны и передать землю в семейный подряд, чтобы буквально через два-три года покончить с массовым голодом, а промышленности дать сырье для своего развития. Такой, говоря фигурально, палочки-выручалочки, не было ни у горбачевских, ни у ельцинских реформаторов.

И все же, если говорить об объективных стартовых условиях, то в России они были гораздо предпочтительнее. Имя в виду уровень развития нашей экономики, научно-технической, образовательной и ряд других сфер. Не говоря уже о наличии в России огромных запасов ценного сырья, и прежде всего энергоносителей, сотен миллионов гектаров пригодной для обработки земли, богатых лесных и водных ресурсов и т.д. Достаточно сказать, что ВВП Китая составлял 39% от российского ВВП, а сельское население - 82,1%.

Вот, например, что говорит о слабых сторонах КНР питомец ИВ РАН Владимир Невейкин, который уехал в Поднебесную совершенствовать китайский язык, да стал там весьма успешным предпринимателем: «Территория Китая в несколько раз меньше нашей, да и та только на 1/4 пригодна для проживания, так как большую часть страны занимают горы и безводные пустыни. Практически все население сосредоточено на Великой китайской равнине (вдоль восточного побережья) и в немногочисленных горных долинах, оазисах внутри континента.

Так что на момент начала реформ можно констатировать, что Китай обладал следующими «преимуществами» перед другими странами социализма: невероятной скученностью народа; истощенностью земли многоletним земледелием; низким образовательным уровнем; беспросветной бедностью, доходившей до повсеместного физического голодания; отсутствием какой-либо современной инфраструктуры; крайне отсталой промышленностью; низкокэффективным сельским хозяйством (где «трудолюбивые» китайские крестьяне занимались всем, только «не пахали»); засильем от произвола невежественных «ганьбу» (кадровых работников); практически полным искоренением представителей «китайской интеллигенции» трудовым «перевоспитанием» в деревне во время культурной революции.

Прибавьте к этому историческую склонность к бюрократии, коррупции, тайные общества в виде «триад», вернее, к системному бандитизму и вымогательству при малейшем ослаблении центральной власти, и вы поймете только небольшую часть тех проблем, перед которыми стояло тогдашнее китайское руководство во главе с Дэн Сяопином, только-только вышедшее из политического противостояния с «бандой четырех» под предводительством Цзян Цин (вдовы Мао Цзэдуна)... Вот такие «преимущества» были у когда-то «братского народа Китая».

Третье. Субъективные условия для успеха реформ, напротив, были несравнимо лучшими у Китая. А говоря точнее, субъективный фактор стал решающим в успехе китайских реформ. Инициатор реформ Дэн Сяопин (которому к моменту начала реформ было уже 75 лет) был не только незаурядной личностью, наделенной стратегическим мышлением, но и чрезвычайно опытным управленцем. Он был одним из руководителей национально-освободительной и антифеодальной борьбы.

После образования Китайской Народной Республики он много лет занимал высокие посты в правительстве, ведая экономикой, а также в партии, в армии и везде был успешен. В годы разорительного «большого скачка» и разрушительной «культурной революции» Дэн Сяопин, чтобы смягчать их последствия, на практике противодействовал авантюрной политике Мао Цзэдуна, за что несколько раз подвергался репрессиям. Он трижды был на волосок от смерти, и сам об этом говорил. Первый раз это случилось еще в годы национально-освободительной борьбы при смене руководства в компартии, а два других – при правлении Мао. Как будто бы сама судьба стремилась спасти Дэну жизнь для свершения великих дел.

Крупнейший российский специалист по теории управления Б.Г. Литвак так характеризовал роль Дэн Сяопина в жизни Китая: «Китай вправе гордиться своим великим сыном, посвятившим всю свою сознательную жизнь служению своему народу, готовым ради блага народа на самые суровые испытания. С полным основанием можно сегодня сказать: Китаю повезло, что в руководстве страны в очень важный момент для ее дальнейших судеб оказался такой блистательный управленец, каким был Дэн Сяопин. А человечеству повезло, что сокровищница мировой управленческой практики оказалась пополненной такой блестящей деятельностью, изменившей судьбы значительной части населения земли. А тех, кто анализирует судьбы наиболее выдающихся управленцев планеты, управленческая практика великого управленца Китая Дэн Сяопина заставляет по-новому взглянуть на магистральные направления развития человечества и на то, какую исключительно важную роль играет эффективное управление для судеб народов земли».

Но Китаю повезло и в другом. Мао Цзэдуна все же не был столь жестоким, как Сталин. Он политических противников из своих рядов, как правило, не уничтожал, а изгонял из власти, отправляя в ссылку, в худшем случае – в тюрьму. Два крупных государственных и партийных деятелей - бывший председатель КНР Лю Шаоци и бывший министр обороны маршал Пэн Дэхуай - закончили жизнь в тюрьме потому, что не захотели покаяться, как того требовал от них Мао. Они твердо стояли на своем: им не в чем каяться. Дэн Сяопин, однако, покаялся, но так, что спас себе жизнь, не потеряв собственного достоинства. Опираясь на талантливых и профессиональных бывших гонимых и репрессированных, он смог создать сильную команду. При этом у Дэн Сяопина уже была выношена стратегия развития страны.

Лидеров такого масштаба и такого профессионального и жизненного опыта, как Дэн Сяопин, не оказалось ни в СССР, ни в новой России. Потенциально таковые были, как, например, Н.А. Вознесенский, но пали жертвой сталинского террора. Михаил Горбачев заслуживает похвалы за то, что решился на структурные реформы страны с сильно подорванной безумной гонкой вооружений экономикой и массовым разочарованием граждан в реальном социализме. С одной стороны, он понимал, что в своем развитии страна зашла в тупик и требуется обновлению ее экономической и политической системы. Но с другой стороны, он не мог определить оптимального направления реформ, как, впрочем, и конечной их цели. К тому же ни масштаб его личности, ни волевой настрой, ни управленческий опыт не позволили ему довести до конца даже то, что им было задумано – придать человеческое лицо созданной Сталиным модели социализма.

Характер личности и ее авторитет, как известно, лучше всего проверяются кризисом. Когда в Китае в 1989 году возник острый общественный кризис, Дэн Сяопин, даже не будучи ни генеральным секретарем ЦК КПК, ни

председателем КНР, силой своего авторитета и популярности среди армейских кругов не позволил бунтующей молодежи сорвать реформы. Горбачев же, занимая ключевые посты во власти, потерял контроль над ситуацией в стране еще до путча в августе 1991 года, а вскоре потерял и власть.

И Борису Ельцину, проработавшему большую часть своей активной жизни в провинции, оказалась не по плечу задача перевода новой России с одних рельсов общественного развития на другие, не разрушая экономики и не обрекая миллионы людей на голод и нищету. Ему не хватало широкого кругозора, экономического и даже общественного знания, а саморазвитию мешало пристрастие к алкоголю. Притом что по натуре Ельцин был авторитарен и не в меру властолюбив, что мешало ему прислушиваться к мнению более знающих людей. Не говоря уже о том, что он опрометчиво доверял Западу и США в особенности, полагая, что в ответ на фактическую самоликвидацию второй в мире сверхдержавы они помогут нам в деле строительства рыночной экономики и демократии.

Известный телеведущий Владимир Познер, который является гражданином США (помимо французского и русского гражданства) и которого нельзя заподозрить в антиамериканизме, совсем недавно по радио «Свобода» заявил: «Америка прозевала Россию. Прозевала. Когда все произошло здесь при Горбачеве, американцы имели возможность применить новый план Маршалла. Это значит такой экономический план помощи, когда деньги направляются конкретно, как лазерный луч, и контролируются не Россией, а теми, кто их дает. Как американцы сделали в отношении Франции, Италии, Германии и т.д. после войны. И Россия тогда приняла бы эту помощь. И сегодня это была бы другая страна. Но они решили: мы вас боялись столько лет, ну сейчас мы вам покажем, как и где. И, по сути дела, американской помощи не было никакой, а была попытка, реальная попытка, оторвать все, что можно: Украину, Среднюю Азию, все. Я говорю: они ее (Россию) пропустили».

Ну, а под конец своего правления, как мне представляется, Ельцин меньше всего думал о будущем России и ее демократическом устройстве. Его больше заботило самосохранение после ухода с поста президента и сохранении членов своей семьи, которые стали фигурантами международного скандала о якобы коррупции в высших эшелонах российской власти и семье Ельциных. И когда некоторые коллеги говорят, что Ельцин предал партию, которая сформировала его как руководителя, предал Горбачева, который из Свердловска перевел его в Москву, предал демократическое движение, подогнав под себя проект новой Конституции, а в конечном итоге предал и народ, который дважды за него голосовал, то я замолкаю. В свое время я верил в Ельцина, не зная многих его «загогулин», что обернулось горьким обманом.

Самом собой разумеется, такого опыта государственного управления, какой имел Дэн Сяопин, по определению не могло быть у Владимира Путина и Дмитрия Медведева. Они состоялись как профессионалы в области своей деятельности, что не позволяла им выработать собственное видение развития страны, и они вынуждены были полагаться на советников и экспертов, многие из которых по своим взглядам были близки реформаторам 90-х годов.

Четвертое. Но успех реформ зависит не только от сильной команды реформаторов, но и от глубоко продуманной модели не только социально-экономических преобразований, но и развития страны в целом в настоящем и обозримом будущем. Стратегической целью развития Китая команда Дэн Сяопина объявила строительство социализма с китайской спецификой, а промежуточной – создание общества средней зажиточности – «сяокан». То есть общества, в котором каждый китаец будет иметь крышу над головой, работу, получить образование, медицинскую помощь и т.д.

То, что китайские реформаторы, создав на деле широкие возможности для развития частного предпринимательства и неизбежного появления при этом богатых людей, в принципе не отказывались от социализма, а давали ему

другую трактовку, чем прежде, и наполняли его другим содержанием, имело громадное значение для здоровья населения и успеха реформ. Поскольку руководители КНР не практиковали шоковые методы реформ, то у китайцев не было чувства радикального разрыва с прошлым, что, как правило, сопряжено со стрессами и болезнями. И поскольку их жизнь с каждым годом улучшалась, то они считали, что начатые Дэн Сяопином реформы больше отвечают целям построения социализма, чем «большой скачок» и «культурная революция».

Что же касается российских реформаторов, то устами Егора Гайдара они открыто заявили, что будут строить капитализм в новой России. То есть строить капитализм, начиная с первоначального накопления капитала. Этой цели был подчинен и передел собственности. На страницах либеральных газет тогда «гуляла фальшивая сентенция: «чем больше в стране будет богатых, тем меньше будет бедных».

То, что начальная фаза капитализма, за отдельными исключениями, была неразрывно связана с массовым насилием, воровством, грабежами, рэкетом, массовым обнищанием людей и прочими «прелестями», ими в счет не принималось. В народном же сознании это было воспринято как возвращение страны в прошлое, в дореволюционные времена. И это стало одной из причин «сверхсмертности», начавшейся в 90-е годы.

Спрашивается, а почему бы Гайдару не заявить, что на месте реального социализма его команда будет строить демократический социализм скандинавского образца? Например, в Швеции примерно тот же тип экономики, что в Германии или во Франции, а демократии в близком ее изначальном смысле, пожалуй, даже больше: роль граждан в определении политики государства, их социальная защита выше, чем в бывших странах реального социализма и классического капитализма.

И это было бы движением России не назад, а вперед, к социализму в современном его обличье. Что сохраняло бы преемственность с прошлым и спасло бы много жизней россиян, для которых резкий разрыв с прошлым стал тяжелейшим ударом. Некоторые из видных либерал-реформаторов открыто говорили, что, дескать, наши деды и отцы не то строили, что надо, и жертвы, на которые они шли во имя строительства материальной базы социализма, были напрасными...

Пятое. У двух стран были разными и подходы к созданию модели социально-экономических реформ, разными методы преобразований, их последовательность и разными были приоритеты в расходовании государственных средств. Команда Дэн Сяопина модель реформ, называемой «Реформа и открытость», создавала сама с учетом как мирового опыта, так и китайских реалий. В частности, были учтены опыт советского нэпа, взгляды Бухарина, реформы Косыгина, реформы в Венгрии и удачные реформы в соседних Сингапуре и Южной Корее. Был даже приглашен в Пекин для беседы ныне уже покойный лауреат Нобелевской премии американец Милтон Фридмен. В итоге была создана очень эффективная модель реформ.

Если очень коротко, то основными ее принципами были: а) градуализм, то есть постепенность и поэтапность преобразований с тем, чтобы люди успели привыкнуть к новым реалиям; б) жизненный уровень населения в ходе реформ должен повышаться, а не понижаться, а если экономика отрывается от социальной сферы, то темпы ее развития должны притормаживаться; в) использование естественных преимуществ Китая (дешевая рабочая сила, выгодное географическое положение прибрежных районов с мягким климатом, капитал этнических китайцев и пр.) для быстрого наращивания экспорта с целью получения валюты для модернизации экономики; г) создание новой экономики, оставляя на будущее акционирование, приватизацию и ликвидацию убыточных государственных предприятий; д) создание максимально благоприятного инвестиционного климата для притока извне иностранного капитала и максимально возможных комфортных условий для деятельности и жизни иностранных предпринимателей и их семей, включая защиту их от посягательства чиновников, силовиков и криминала.

Китайские реформаторы без особого труда сумели соединить план и рынок, заставить государственные предприятия эффективно работать по рыночным законам. Они дали им срок, в течение которого государство им помогало стать рентабельными, и те, которые не решились эту задачу, были ликвидированы. Только работавшие на них люди не были выброшены на улицу, а ушли в малый и средний бизнес, для развития которого в стране были созданы самые благоприятные условия.

Российские реформаторы не смогли создать собственную модель социально-экономических реформ. При непосредственном участии американских советников они реализовали американскую модель, созданную в Вашингтонском Институте международной экономики (Отсюда и ее название «Вашингтонский консенсус») в 1989 году на основе неоллиберальной теории. Первоначально она предназначалась для латиноамериканских стран с целью стабилизировать их финансовую систему и в итоге получить взятые ими у США и других развитых странах долги.

Но потом Вашингтон посредством Международного валютного фонда стал навязывать эту модель странам с переходной экономикой и особенно России, для которой она не просто не подходила. Она была ей противопоказана! Не случайно ни одна быстро растущая страна с переходной экономикой не взяла ее на вооружение. Лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц подсчитал, что если бы Южная Корея стала следовать неоллиберальным установкам, то развивалась бы в три раза медленнее, чем развивалась на деле.

Основными составляющими этой модели являются: отпуск цен, быстрая приватизация государственной собственности, свободный обмен валюты, либерализация внешнеэкономических отношений, дерегулирование экономики, резкое сокращение государственных расходов. И все это, вместе взятое, стало называться шоковой терапией, что методологически близко китайскому «большому скачку».

Но если при этом Мао Цзэдун говорил, что три года напряженного труда принесут народу десять тысяч лет счастья, то Борис Ельцин утверждал, что реализация шоковой терапии уже через полгода покончит с инфляцией и создаст нормальные условия для развития страны. Если же этого не случится, то он готов лечь на рельсы. Слава богу, этого своего обещания первый президент РФ не сдержал и ушел из жизни по естественному закону всего живого.

Надо быть либо абсолютно экономически безграмотным, либо наплевать относиться к собственной стране, чтобы не предвидеть, к чему приведет свободный обмен валюты и открытие еще вчера закрытой экономики для внешней конкуренции. В результате сотни миллиардов долларов были вывезены из страны, а целые отрасли экономики были задуманы иностранными конкурентами.

Впрочем, Гайдар заявлял, что все, что неконкурентоспособно, должно умереть. Ну и полагаться на рожденную столетия назад максиму Адама Смита, что рынок сам все расставит по местам, да еще на переходном этапе, было просто безумием. Как и не развивать реальный сектор экономики страны, ожидая прихода иностранного капитала при снижении инфляции и улучшении инвестиционного климата. Притом что инфляцию разгоняло постоянное повышение цен на товары и услуги монополий, а то, как создается благоприятный инвестиционный климат наши чиновники прекрасно знали, бывая в Китае. Но, как говорится, не хотели наступить на горло собственной песни.

Шестое. Удивительно, но факт: уже в первые годы реформ при минимальных финансовых ресурсах и еще крайне слабом экономическом и научно-техническом потенциале команда Дэн Сяопина нацелилась на решение крупных стратегических задач. Это широкое привлечение в страну новой техники, технологий и управленческого опыта через создаваемые в массовом порядке свободные экономические зоны (СЭЗ). Но для этого китайской стороне пришлось обустроить экономические зоны и создать максимально благоприятные условия для

деятельности иностранных предпринимателей, гарантируя их от бюрократической волокиты, наездов чиновников, силовиков и криминала.

С криминалом в Китае расправляются беспощадно, а закрывших по необоснованным причинам бизнес чиновников заставляют возместить все его потери, тем самым исключив чиновный произвол. И это одна из важнейших составляющих благоприятного инвестиционного климата, который никак не могут создать российские чиновники уже в течение не менее десяти лет.

Это создание научно-технических и производственных центров в крупнейших городах страны, среди которых широкую известность получили Шэньчжэнь на юге страны и Чжунгуаньцунь в Пекине и вокруг него.

Чему обязан Шэньчжэнь, бывший малопримечательный рыбацкий поселок, о котором ныне много говорят? Тому, что он находится недалеко от высокоразвитого Гонконга. Когда встал вопрос о создании здесь свободной экономической зоны (1979 г.), то судьба Гонконга еще не была решена. А он нужен был команде Дэн Сяопина как источник валюты и высоких технологий.

Дело в том, что после завершения Первой опиумной войны (1840-1842 гг.) по мирному договору морской порт Гонконг передавался Китаем в вечное владение Великобритании («навечно присоединенным к Великобритании»). Руководство КНР настаивало на том, что этот мирный договор был силой навязан Китаю и должен перейти под его юрисдикцию. Но только в 1982 году между двумя странами было достигнуто соглашение о том, что Соединенное королевство в 1997 году передаст Гонконг КНР с условием, что до 2047 года там сохранится существующий социально-экономический строй. И тогда присоединение бывшей британской колонии Гонконг к материковому Китаю родило формулу: «одна страна - две системы». Гонконг стал называться «Особым административным районом Сянган» с широкой автономией во всех областях, кроме обороны и внешней политики, и между ним и материковым Китаем существует таможенный контроль. Официально Шэньчжэнь стал СЭЗ в марте 1980 года.

И вот что говорит о Шэньчжэне адвокат из Гонконга Виктор Вао: «В 1990 г. мы смотрели на соседний Шэньчжэнь и усмехались. У нас – офисы банков, высотные здания, скоростные автостреды. Там –убогие деревушки, горы рыбьих потрохов, копошатся люди, одетые в лохмотья. А сейчас... Гонконг по сравнению с соседом выглядит бедным родственником».

Беседовавший с гонконгским адвокатом корреспондент еженедельника «Аргументы и факты» Георгий Зотов констатирует: «Трудно не согласиться - Шэньчжэнь образца 2011 года действительно потрясает воображение. Тут легко заблудиться среди небоскребов, шикарные рестораны переполнены, в воздух бьют фонтаны, деревья украшены неоновыми гирляндами. Не верится, что 20 лет назад здесь не было НИЧЕГО, кроме рыбацких хижин». Посещающие Шэньчжэнь иностранцы восторгаются сотворенным за такой поразительно короткий срок и называют его городом-садом из-за обилия зеленых насаждений, которые составляют 50% его территории.

Китайская «силиконовая долина» на юге страны, как магнит, стала притягивать к себе активных и креативных людей не только из Китая, но и из-за рубежа. Здесь невероятная концентрация ученых и специалистов разных профилей. Здесь работают более 20% китайских докторов наук, огромное число высокопрофессиональных инженеров, технологов и т.д. Здесь разместились сотни филиалов западных научно-исследовательских центров и дочерних компаний мировых корпораций. Иностранный капитал представлен тайваньскими, американскими, французскими, японскими, британскими, немецкими, голландскими, швейцарскими, корейскими, итальянскими, бельгийскими, сингапурскими, индийскими, филиппинскими и даже вьетнамскими компаниями. И очень слабо представлен российский капитал – производством светодиодной продукции Vantex Electronics. А любители электронных аппаратов непременно скажут, что в Шэньчжэне производятся айфоны, айпеды и айподы, разного рода «девайсы» и «гаджеты».

По данным на 2010 г., в Шэньчжэне обосновалось около 30 тысяч иностранных предприятий. Есть тут и совместное с американской Motorola предприятие – Шэньчжэньская группа Huawei Technologies, – которое производит продукцию GSM и оказывает услуги на территории Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона. (Кстати говоря, мой компьютер на даче уже несколько лет работает при помощи модема от этой фирмы.) Шэньчжэнь по-праву считается важнейшим центром электроники, опережая по многим ее видам Пекин и Шанхай.

А если говорить о Чжунгуаньцуне, то это 10 промышленных парков, 27 тысяч компаний, в том числе 18 тысяч из числа крупнейших в мире. На эту «силиконовую долину» работают 140 вузов и 39 колледжей, в которых обучается более 400 тысяч студентов и аспирантов, а общая численность сотрудников давно перевалила за один миллион.

Только все эти достижения в сфере высоких технологий были бы невозможны, если бы китайские реформаторы не прилагали титанических усилий по поднятию уровня школьного образования и развития высшей школы. С самого начала реформ команда Дэн Сяопина стала в массовом порядке направлять на учебу в лучшие западные университеты китайских студентов и приглашать в страну для постоянной работы или чтения лекций лучших мировых специалистов, в том числе из России. И поскольку наука стала приоритетным направлением в деятельности китайских властей, то на ее развитие начали выделяться огромные средства, увеличиваясь на 10% и более каждый год.

В итоге на науку в КНР стали тратить во много раз больше, чем в РФ. Но поскольку в Китае ведется широкомасштабное строительство и действуют тысячи филиалов международных корпораций, в том числе в сфере высоких технологий, то большую часть расходов на НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки) стали брать они на себя.

И вот результат. Согласно данным Международной программе образовательных достижений учащихся (PISA), лидером по уровню грамотности стали школьники Шанхая. По 1000-бальной шкале они набрали 556 баллов по показателю читательской грамотности, 600 баллов - по уровню математической грамотности и 575 баллов - по естественно-научной грамотности. Что же касается российских школьников то их результаты соответственно - 459 баллов, 468 баллов и 478 баллов. И таких мегаполисов с высоким уровнем школьного обучения, как Шанхай, в Китае немало.

А по рейтингу независимого агентства Quacquarelli Symonds (QS) 2011/2012 в список из 300 лучших университетов мира вошло 14 китайских университетов (вместе с университетами Гонконга) и только два российских университета. Четыре китайских университета вошли в список 100 сильнейших вузов. Это Университет Гонконга – 22-е место, Китайский университет Гонконга – 37-е место, Пекинский университет – 46-е место, Университет Цинхуа – 47-е место, Фуданский университет (Шанхай) – 91-е место. МГУ им. М.В. Ломоносова занял 112-е место, а Санкт-Петербургский университет – 251-е место.

На фоне «китайских силиконовых долин» наше «Сколково», мягко говоря, выглядит бледно. Оно разместилось на маленьком пятачке дорогой подмосковной земли, не имея ни своей научной базы, ни опытно-конструкторских производств, ни тем более связей с производством?! А в довершение ко всему уже успело обрести коррупционными скандалами.

Нельзя считать и инновационным центром «Роснано» (Российская корпорация нанотехнологий) во главе с небезызвестным приватизатором Анатолием Чубайсом. Туда тоже влиты немалые государственные средства. Огромные расходы на Сколково – это ошибка либерального окружения Дмитрия Медведева в его бытность президентом. Даже по признанию видных западных экономистов, само по себе «Сколково» ничего не изменит в научно-технической сфере России. Куда разумнее было бы пустить эти средства в поддержку «загибающихся» наукоградов, у которых есть и научная

база, и какие-никакие опытные производства и связи с реальной экономикой.

Приходится удивляться невероятному непрофессионализму тех, кто готовил законопроект о ликвидации РАН и создание на ее основе некоего клуба академиков. Авторы этого проекта (которые до сих пор не названы), наверняка либеральные экономисты, которые, помимо своих убеждений, не разделяемых учеными РАН, давно точили на нее зуб из-за того, что их постоянно проваливают во время выборов член-корреспондентов и академиков. Но в науке они не понимают элементарных вещей.

Во-первых, нельзя академическую науку подчинять исполнительной власти, озабоченной решением текущих проблем. Мы же знаем по советским временам, как мало что понимающие в науке большевики в 20-30-е годы губили развитие ракетостроения, новые направления в биологии и т.д., репрессировав при этом ученых и конструкторов.

Во-вторых, фундаментальная наука отличается от прикладной тем, что ее открытия редко могут применяться сразу же после их появления. Иногда проходит 50 и 100 лет, прежде чем они будут востребованы. Поэтому требовать от нее самоокупаемости означает проявлять дремучее невежество.

В-третьих, передавать прерогативу академического сообщества пополнять свои ряды организации при исполнительной власти на практике может стать повторением, хотя и на новых мотивациях, того, что было в СССР: академиками в сфере общественных наук часто становились не крупные ученые, а те, что работали на власть, на режим, то есть, по сути, были штатными пропагандистами.

Это с одной стороны. А с другой стороны, крупные ученые-историкологи, не восхвалявшие «гениальность» вождей и «невероятных достижений» при их правлении, отсекались от академии. В-четвертых, не видеть разницы между членами-корреспондентами и действительными членами Академии наук – это тоже невежество. Члены-корреспонденты, которыми нередко как бы по должности становились директора академических институтов, часто так и оставались в этом звании, если не показывали крупных успехов в науке. Переводить же автоматически членов-корреспондентов в действительные члены РАН, это тоже идет от незнания предмета.

Авторы проекта объединения трех академий не увидели и между ними разницы, разный их статус, в том числе по оплате за звание, когда сочли возможным всем им дать звание академика новой РАН. На деле РАН призвана заниматься фундаментальными исследованиями, в то время как медицинская и сельскохозяйственная академии основной упор делают на прикладных исследованиях. А когда академики РАН и РАСХН добиваются выдающихся успехов в теоретических исследованиях, то они могли стать и действительными академиками РАН.

Наконец последнее и, может быть, самое главное, если вести речь о судьбе большой науки в России. Беда нашей науки в том, что она поставлена на голодный паек. Согласно имеющимся у меня данным на 2012 г., в пересчете на ППС начинающие ученые в Канаде получали 5733 доллара в месяц, профессора – 9485, в США – соответственно 4950 и 7358 долларов, профессора в Италии – 9118, в Южной Африке – 9330, Саудовской Аравии – 8524, Великобритании – 8369, Малайзии – 7864, Австралии – 7499, в Индии – 7433 доллара. Начинаящий свою карьеру ученый в беднейшей Эфиопии получал 864 доллара в месяц. В России должностной оклад начинающего исследователя (без надбавки за научную степень), по данным на 2012 г., составлял 14 тысяч рублей. Впрочем, должностной оклад директора академического института (и тоже без надбавки за научную степень) был чуть больше 30 тысяч рублей.

Эту безрадостную картину дополнил крупный российский физик академик РАН Владимир Захаров, работающий одновременно в нашей стране и США, сказав: РАН финансируется на уровне одного приличного американского университета, которых в США более сотни. И пока такая ситуация будет сохраняться, бегство ученых

и специалистов из страны будет продолжаться и никакого омоложения ученых РАН, как ее не перестраивать, не происходит и не произойдет. (Хотя РАН действительно нуждается в перестройке.) Для этого нужно резко увеличить расходы на науки.

В мире утвердилось такое правило: учитель должен иметь зарплату, в полтора раза превышающую среднюю зарплату по стране, а ученый – в два раза больше, что на деле и имело место в СССР. А еще нужно оснастить современным оборудованием лаборатории и обновить всю научно-техническую инфраструктуру. Именно так делается в Китае. Ведь почему лауреаты Нобелевской премии Андрей Гейм и Константин Новоселов уехали из России? Потому что на нашем оборудовании реализовать их открытие было невозможно.

Шестое. Принципиально разной в КНР и РФ была и есть финансово-банковская политика. В Китае, особенно на начальных этапах реформ, соблюдалась строгая экономия государственных средств и практиковалась прогрессивная шкала подоходного налога. Пекин до сих пор ограничивает свободный обмен валюты. Как у нас в годы нэпа, в Китае было два юаня, один – переводной, как наш золотой червонец, а другой – для внутреннего хождения. Полной конвертируемости юаня не существует и поныне.

Как пишет занимающийся предпринимательством в Китае Игорь Путилов, «чтобы перевести деньги за границу, нужно пройти сложную процедуру разрешений и согласований. Этот процесс очень строго контролируется банками и таможей... Бегство инвестированного в Китай капитала исключено. Иностранному инвестору, вложившему деньги в оборудование, сырье и прочее, возврат капитала и прибыль может иметь только в виде произведенного товара. Причем, по закону, 70% товара должно в обязательном порядке вывозиться из Китая, и только 30% можно продать на внутреннем рынке».

В то же время международные аналитики отмечают отток капитала из Китая в последние годы. Вопрос только в том, куда и на что уходят деньги. Вполне возможно, что это является вполне осознанной политикой Пекина. Он уже не довольствуется тем, что держит огромные валютные средства в западных, преимущественно американских, банках и ценных бумагах. Он вкладывает немалые средства в приобретение активов сырьевых компаний и высокотехнологических производств в странах разных континентов. Но полной ясности на этот счет пока нет, да в Поднебесной и не любят раскрывать карты. В то же время поскольку и в Китае есть «серая» экономики, то вероятно и появление «серых» схем вывода капитала из страны. Но «серые схемы» есть везде, только в Китае с творцами таких схем поступают очень сурово.

Об эффективности финансово-банковской политики Пекина говорит тот факт, что за более чем 30 лет реформ Китай не знал ни финансового кризиса, ни внешнего долга китайских частных компаний, ни тем более суверенного долга, с чем не раз сталкивалась постсоветская Россия и с чем сталкиваются многие западные страны, приверженные неолиберальной экономической теории. Поскольку китайское государство дорожит доверием своих граждан, то бережливые китайцы не боятся хранить свои сбережения в государственных банках, что составляет огромные суммы. Периоды относительно высокой инфляции случались и в Китае, но по депозитам проценты все равно были чуть выше инфляции. И вложенные в банки деньги граждан тоже вкладываются в развитие, что во многом и объясняет неправдоподобно высокий процент инвестиций по отношению к ВВП – до 49 процентов.

Финансово-банковская и таможенная политика в Китае, как и доверие китайцев к государственному банку, в большой мере и позволяют Пекину доводить инвестиции до 49% по отношению к ВВП. Хотя немалый вклад делает и частный, в том числе иностранный капитал. А на начальных этапах реформ была строгая экономия государственных средств, скромно жили чиновники, менеджмент государственных предприятий не имел заоблачных доходов. И никаких престижных проектов до тех пор, пока Китай не накопил огромные валютные резервы и не превратился во вторую экономику мира. Да и богачи появлялись не за счет присвоения народного достояния, как в России, а в

результате умения и находчивости при ведении бизнеса. Так, первым миллиардером в Китае стала женщина, которая перерабатывала собранную макулатуру в тару, остро востребованную в ходе производства товаров широкого потребления.

Накоплению инвестиционного капитала способствовал отказ командой Дэн Сяопина от внешней политики Мао на поддержку «революционных» стран и народов. Патриарх китайских реформ завещал своим преемникам все силы бросить на развитие собственной страны, сократив до минимума расходы на международную деятельность КНР, и не ввязываться ни в какие конфликты. И право же, неожиданностью стал конфликт с Японией из-за спорных островов.

А еще Пекин проводит очень взвешенную оборонную политику, не пытаясь с кем-то соревноваться в вооружениях, а придерживаясь принципа достаточности. То есть достаточно иметь такой ракетно-ядерный потенциал, который сдерживал бы любого потенциального агрессора от нападения на Китай. Это тоже дает ему возможность экономить средства для развития страны. Китай извлек урок из мирового опыта: «экономическое чудо» Западной Германии и Японии состоялось в том числе и потому, что на оборону они тратили около одного процента ВВП.

Что же касается России, то бегству из нее капитала открыт широкий простор. Так, в 2011 из страны было вывезено более 80,5 миллиарда долларов, в 2012 – около 56,8 миллиарда долларов. (В то время как его приток –5 и 10 миллиардов долларов соответственно.) Притом что у нас действует плоская шкала подоходного налога, позволяющая за счет природной ренты создавать все новых миллиардеров; огромные средства тратятся на содержание бюрократии, которой стало в два раза больше, чем было в СССР. Немало средств уходит и на сверхвысокие оклады, бонусы, премиальные и пр. менеджменту государственных и полугосударственных корпораций и на разного рода плохо продуманные проекты.

Соответственно и доля инвестиционного капитала по отношению к ВВП у нас в несколько раз меньше, чем в Китае. При этом накапливаемые за счет экспорта энергоносителей валютные резервы шли не в экономику, а хранились в банках и ценных бумагах других стран как бы «на черный день». Но когда наступил этот «черный день», то оказалось, что государственные и полугосударственные компании и банки набрали столько внешних долгов, причем часто на непрофильные цели (включая содержание собственных и даже иностранных футбольных клубов), что они почти сравнялись с валютными резервами. И чтобы не дать их обанкротить иностранным кредиторам, власти израсходовали огромные средства на их спасение, и мало что досталось реальному сектору экономики.

Более того, расходы на науку даже сократились. Это говорит о том, что реального контроля со стороны государства за тем, сколько подчиненные ему хозяйствующие субъекты берут заемных средства и на что они их расходуют, по факту не было.

Стоит отметить, что, по данным экспертов на май 2013 года, корпоративные долги уже намного обогнали валютные резервы, составив 680 миллиардов долларов, против 526,2 миллиарда долларов валютных резервов, по официальным данным на 1 марта 2013 года. Притом что рост ВВП резко снизился, а промышленное производство вошло в минус.

Что же касается расходов на оборону, то, как мне представляется, и мы могли бы придерживаться принципа достаточности. Ибо на деле угроза национальной безопасности имеет не внешний, а внутренний характер. Вспомним, что СССР имел такие мощные ракетно-ядерные вооружения, что теоретически можно было во несколько раз уничтожить все живое на земле, а танков едва ли не больше, чем остальной мир. Но распался без единого выстрела, потому что высокие военные расходы истощили экономику страны, народ был недоволен качеством жизни и не стал ее (страну) защищать.

Седьмое. Чрезвычайно важное значение для стран, особенно великих держав, имеют крупные проекты. Они же, по существу, и являются показателем уровня их развития. В СССР, как известно, это ядерный и космический проекты, крупнейшие в мире гидроэлектростанции, «Целина», БАМ и др. В Китае, крупнейшим проектом стало строительство гидроэлектростанции «Три ущелья» на реке Янцзы. ГЭС имеет 32 гидроагрегатора совокупной мощностью 22,5 ГВт и вырабатывает до 100 млрд. кВт.ч. в год.

По значимости для страны этому проекту не уступает, а то и его превосходит программа создания целой сети инновационных центров, о двух из которых (Шэньчжэнь и Чжунгуаньцунь) я уже упоминал. Это строительство второй очереди самой высокогорной в мире Цинхай-Тибетской железной дороги протяженностью 1142 км от города Голмуд, что в провинции Цинхай, до столицы Тибетского автономного округа Лхасы и самого длинного в мире моста протяженностью 42,5 км, который пересекает залив Ханчжоу в Восточно-Китайском море и реку Цяньтан в дельте великой Янцзы. Это создание сложных сооружений по переброске вод с избыточного водными ресурсами юга, где часты наводнения, в засушливые северные районы, включая Пекин и мегаполис Тяньцзинь.

Все эти проекты имеют чрезвычайно важное народнохозяйственное и гуманитарное значение. Это не говоря уже о космическом и ядерном проектах, о крупномасштабных транспортных проектах, включающих в себя не только шоссе и железные дороги, но и порты и аэропорты. Можно было бы назвать как минимум еще с десяток крупных проектов, уже реализованных и находящихся в стадии реализации.

Что дают стране большие проекты? Самые сложные, наукоемкие проекты требуют концентрации огромных интеллектуальных и профессиональных сил ученых и специалистов разного профиля, но так или иначе имеющих отношение к заданному объекту. Они требуют новых теоретических решений, новых материалов, новых технологий и т.д. В процессе «мозгового штурма» на стыке наук и технологий часто рождаются новые идеи и новые способы решения уже существующих сложных проблем, не имеющих прямого отношения к проекту, но важных для государства.

А еще при этом и приобретается ценный опыт для коллективного решения самых сложных проблем на других направлениях. Если бы в СССР до войны с гитлеровской Германией как одной из наиболее развитых стран мира не было крупных проектов, то мы не смогли бы создавать оружие, сопоставимое по качеству с тем, что имели войска Вермахта. Не смогли бы в очень сжатый срок и создать ядерное, а затем и ракетное оружие, для чего были привлечены лучшие физики, математики, инженеры, химики, технологи, специалисты многих других профессий и тысячи промышленных предприятий. Но это стало возможным только потому, что в довоенный период была создана промышленность и мощная научно-техническая база..

При этом важно подчеркнуть, что осуществление грандиозных проектов в Китае обходится во много раз дешевле, чем строительство самых заурядных объектов в постсоветской России. Так, например, строительство Цинхай-Тибетской железной дороги в неимоверно трудных условиях высокогорья и вечной там мерзлоты обошлось китайской казне в менее чем 5 миллиардов долларов. А у нас на строительство сравнительно небольшого участка спаренных железной и шоссе дорог от Сочи до Красной поляны как основной базы горно-лыжного курорта затрачено около 10 миллиардов долларов.

Что же касается крупных проектов в постсоветской России, то, пожалуй, таковым является только «сочинский проект» создания инфраструктуры для проведения зимней олимпиады в 2014 году и курорта мирового уровня. Это самый дорогостоящий проект и рекламируемый как самое крупное достижение России в постсоветские годы. Строительство газопроводов «Северный поток» и «Южный поток», а также нефте- и газопроводов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке с помощью западной техники и технологий не создает условий для появления

прорывных отечественных технологий и тем более не являются кузницей кадров.

Наверное, как великий проект задумывался и технополис «Сколково», но, помимо прочего, он уже успел приобрести недобрую славу в глазах серьезных ученых и просто думающих людей. Как пишет Директор Института глобализации и социальных движений Борис Кагарлицкий, «маниловщина российских правительственных чиновников опасна тем, что они готовы без колебаний реализовать любой свой каприз - за наши деньги. И никакие аргументы, никакие попытки апеллировать к здравому смыслу, к правилам арифметики или даже фактам географии не могут оказать здесь ни малейшего влияния.

В самом худшем случае, если какое-либо профессиональное сообщество или, того хуже, общественное мнение начинает создавать уже слишком много шума, они за те же бюджетные деньги поднимут собственных экспертов. А те, получив соответствующее вознаграждение, докажут и обоснуют вам все, что угодно, хоть квадратную форму земли, хоть целесообразность и эффективность проекта «Сколково»...

Затея изначально бессмысленна и даже вредна, поскольку отвлекает ресурсы от решения реальных проблем. Средства могли бы вкладываться в существующие научные коллективы, в восстановление и развитие уцелевших отечественных наукоградов, в развитие инфраструктуры или хотя бы в приобретение технологий, необходимых для перевооружения отечественной промышленности».

А впереди нас ждут огромные расходы на очередной престижный проект – создание инфраструктуры для проведения чемпионата мира по футболу в 2018 году. И не факт, что мы победим на этих соревнованиях. Но Россия еще подала заявку на проведение всемирной выставки в Екатеринбурге в 2020 году. При этом инициаторы этого суперпроекта подсчитали, что его стоимость обойдется казне в 30 миллиардов долларов. Но если первоначальная смета стоимости курорта в Сочи оценивалась в 10 миллиардов долларов, а на деле выросла в 5-6 раз, то, стало быть, и чемпионат мира по футболу, и всемирная выставка (World EXPO 2020), если мы добьемся ее проведения в нашей стране, могут обойтись нам в несколько раз дороже первоначальной сметы.

Понятно, что подобного рода проекты предлагают высшему руководству страны люди из его ближайшего окружения. И встает вопрос: а думают ли они о том, чем это может обернуться для страны, если по той или иной причине, резко упадут доходы от экспорта энергоносителей? А это вполне возможно. Могу предположить: мы вернемся в ситуацию 90-х годов, только с более тяжелыми последствиями.

Восьмое. И хотя почему-то у нас мало об этом говорят, но радикальные реформы проводились и в политической системе Китая. И важнейшим нововведением явилось то, что команда Дэн Сяопина сумела превратить компартию в мотор буржуазных по сути реформ, а саму ее трансформировать из партии рабочего класса в партию всего народа, широко открыв двери для вступления в нее и самым богатым людям.

Китайский режим, безусловно, авторитарный, как и российский. Но если российский более мягкий, допускающий существование реальной оппозиции и выборы в органы власти на альтернативной основе, то китайский режим можно считать правовым, чего не скажешь о нашем режиме. У нас часто законы так двусмысленно составлены, а их применение настолько субъективно, что за одно и то же деяние близкого власти человека можно оправдать, а оппозиционера отправить за решетку.

Если в Китае перед законом все равны, возможно, за исключением буквально нескольких лиц из высшего эшелона власти, и на скамье подсудимых оказывались и члены Политбюро ЦК КПК, не говоря уже о министрах и губернаторах, то у нас обвиняемые в уголовных преступлениях высокие чиновники, как правило, уходят от наказания или получают условный срок. Отсюда и родилось представление в широких массах россиян и в зарубежных обществах, что у нас торжествует выборочное

правосудие, что по общепризнанным понятиям есть произвол.

В свое время Дэн Сяопин настоял на том, что в интересах недопущения застоя в развитии обществе и злоупотребления властью руководителями, нужна постоянная ротация кадров, включая высший эшелон власти. И в партийном уставе, и в основном законе было записано, что генеральный секретарь ЦК КПК, он же председатель КНР, и премьер Государственного совета не могут находиться на своих постах более двух сроков каждый по пять лет. И это строго соблюдается.

Поэтому а КНР невозможна установившаяся у нас в последние годы практика пересаживания бывшего президента в кресло премьера, а потом наоборот – бывшего премьера в кресло президента. В цивилизованном мире это называется монополизацией власти одной и той же политической группировкой. Кстати сказать, Китаю неизвестна и наша практика правления группировок. В годы правления Л. Брежнева были известны «днепропетровская группировка» и «молдавская группировка», а ныне у нас говорят о «питерской группировке». Правда, нередко говорят и о «шанхайской группировке». Но есть и другая версия: бывший мэр Шанхая Цзян Цзэминь, став первым лицом в государстве, в Пекин привел не близких и преданных себе людей, как практикуется у нас, а сильных и опытных управленцев. Ведь Шанхай – это один из самых развитых китайских мегаполисов во всех отношениях.

При выборах в партийные и государственные органы Китае практикуется рейтинговое голосование, а на низовом уровне власти – и выборы на альтернативной основе. Надеждам западных либералов (как и наших) на либерализацию политической системы в Китае на западный манер вряд ли суждено сбыться. Развитие Китая, используя выражение Плеханова в несколько измененном виде, еще не смолотло той муки, из которой можно было бы испечь пирог представительной демократии. И, во-вторых, в Китае, несомненно, на более высоком этапе развития восторжествует демократия, только она, как и социализм, наверняка будет «с китайской спецификой». Страна, за спиной которой более пяти тысяч лет цивилизации, по-другому и поступить не может...

Итак, сделаем некоторые выводы.

Вывод первый. Китай, по мнению серьезных аналитиков, несмотря стоящие перед ним сложные проблемы, в том числе тяжелую экологию, дефицит многих ресурсов и острые социальные проблемы, будет быстро развиваться еще как минимум 10, а то и 15 лет. Только темпами роста ВВП не 11-12 % в год, как было до мирового кризиса, а, скажем, - 7-6%. Китайском народ в массе своей испытывает гордость за феноменальные достижения страны и будет поддерживать власти в их стремлении вернуть стране господствующее положение в мире, которое она занимала сотни, если не тысячи лет.

Вывод второй. Положение России куда сложнее. Но оно не безнадежное. Так, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН Руслан Гринберг считает, что пока цена за баррель на мировых рынках держится на уровне 100 долларов, ничего страшного с нашей экономикой не случится. Только ее нужно развивать, и этим, вопреки позиции наших либералов, должно заниматься и государство. «Многие не любят государство, - говорит он, - считают, что оно бюрократическое, вороватое и прочее. Мы (то есть ученые РАН.- А.К.) так не думаем, мы считаем, что в нынешней ситуации только государство может прийти на помощь нашей слабо растущей экономике». Только беда в том, что после вступления России в ВТО напрямую государство не может выступать инвестором, а делать это опосредованно еще надо научиться.

На мой взгляд, в создавшихся условиях мы должны утроить усилия по созданию благоприятного инвестиционного климата. Только для этого очень многое придется изменить в системе государственного управления, включая внешнюю и оборонную политику. И, может быть, главное, не только власти, но и общество должны осознать, что мы живем не в могучем СССР, а в резко ослабленной безумными либеральными реформами

России, промышленный и научно-технический потенциал которой примерно в 10 раз меньше американского и во столько же меньше, чем у стран Евросоюза.

Соответственно и вести себя должны адекватно. Постимперский синдром – вещь естественная, например, им переболела Британия. Но от него надо избавляться и чем скорее, тем будет лучше для нашего настоящего и будущего.

Вывод третий. Что касается российско-китайских отношений, то они ныне переживают лучшие времена за последние несколько десятилетий. И начало их улучшению положил Дэн Сяопин. Как подчеркивал директор Института Дальнего Востока РАН академик РАН Михаил Титаренко, «Дэн Сяопин был активным сторонником нормализации отношений с Россией... Причину наших отношений в 60-70-е годы он (Дэн Сяопин) видел в том, что стороны наговорили много лишнего и пустых слов. Тогда Дэн мудро предложил «закрыть прошлое и открыть будущее»... Этому совету Дэна стоит следовать и сегодня, в развитии стратегического партнерства между Россией и Китаем».

Наверное, правы те китаеведы, которые утверждают, что Китай нуждается в мире на своих границах с Россией, заинтересован в российском сырье, в каких-то технологиях, в ее емком рынке, поэтому у него есть резон иметь с нею хорошие отношения. И Россия, понятно, заинтересована в хороших отношениях с Китаем. Следует учитывать и то, что в настоящее время между Россией и Китаем нет нерешенных сложных проблем, хотя случается конфликт интересов, что нормально в отношениях между странами. В то же время у Китая сложные отношения с Японией, имеются территориальные споры о рядом островных государств и с Индией в районе Гималаев. Да и США, рассматривающие КНР как своего основного геополитического соперника, создают вокруг нее пояс военных баз.

И в то же время я бы не решился прогнозировать, как поведет себя Китай, когда станет второй сверхдержавой и даже первой по мощи экономикой мира. Этого не знает и знать не может никто, включая самих китайских руководителей пятого поколения.

Проблемой может стать не столько сила Китая, сколько слабость России вообще и, в частности, ее неспособность освоить районы нашего Востока, на которые когда-то распространялось влияние Цинской империи и на которые претендовал в последние годы жизни Мао Цзэдун. И не следует преувеличивать значения установленных между Россией и Китаем отношений стратегического партнерства. Китай имеет такие же отношения с Индией и США.

Но как бы то ни было, в наших национальных интересах развивать всесторонние отношения между Россией и Китаем, создавать благоприятный образ друг о друге, в чем могут важную роль сыграть российские ученые, включая ученых ИВ РАН... ▲

АВТОР ▲ Алексей Васильевич Кива - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН